

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IV КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕРОИСТИКИ

18—20 июня 1975 года в Ленинграде в Государственном Эрмитаже состоялась IV конференция, организованная группой по мероистике при Институте востоковедения АН СССР. В работе конференции приняли участие научные сотрудники Московского и Ленинградского отделений Института востоковедения АН СССР, Государственного Эрмитажа, Института этнографии АН СССР, Института научной информации по общественным наукам АН СССР, Института социологических исследований АН СССР, профессора и преподаватели Ленинградского и Московского государственных университетов. Председательствовали член-корреспондент АН СССР Д. А. Ольдерогге и доктор исторических наук И. С. Кацнельсон.

В информационном сообщении о работе группы по мероистике за два года, прошедших со времени предыдущей конференции, руководитель группы И. С. Кацнельсон рассказал о разработке новых проблем мероистики, особенно отметил изучение истории религии и культуры Куша, вопросов этнографии и археологии этой страны, источниковедческих и лингвистических проблем. Он сообщил о новых работах участников мероитской группы и достигнутых ими результатах. В заключение И. С. Кацнельсон рассказал о намеченном на II квартал 1976 г. издании сборника статей «Мероэ», состоящего из исследований советских мероистов.

На конференции были заслушаны 11 докладов. Ряд их был посвящен источниковедческим проблемам.

Кандидат исторических наук *С. Я. Берзина* в докладе «„Эфиопика“ Гелиодора как источник по истории Мероэ» исследовала это античное произведение, написанное в первой половине III в. н. э., в целом как источник по мероитской истории и культуре того же века. Прежде, начиная с XIX в., «Эфиопика», привлекала к себе внимание учёных лишь как образец античного любовного романа и с философской точки зрения как произведение, отразившее характерные для своего времени элементы мистицизма и социального утопизма. Лишь изредка использовались отдельные сведения, приводимые Гелиодором по истории Мероэ. С. Я. Берзина последовательно рассмотрела данные этого античного автора о географическом положении, природных условиях страны, расовом и этническом составе населения, хозяйстве, поселениях и постройках, общественном строе, государственном устройстве, вооружении и военном деле, культуре и религии, внутренней и внешней политической обстановке. В ряде случаев докладчику удалось выделить из источника ценные данные для реконструкции истории Мероэ, которые подтверждаются материалами археологических раскопок или сообщениями других авторов. Например, сведения Гелиодора об одомашнивании диких животных подкрепляются анализом изображений на произведениях искусства; о постройках из камня и тростника — материалами археологических раскопок; вопрос о политическом устройстве, в частности о роли царя-жреца, — анализом текста и изображений на стелах царей Куша, сведения о религиозных верованиях

и ритуалах проверялись путем сопоставления с известной нам египетской и греческой мифологией, сообщениями Геродота. Вопрос о внешних связях Мероэ с близкими соседями: аксумитами, арабами, троглодитами, блеммиями, и дальними странами — Римом, Китаем — тщательно исследовался с привлечением материалов археологических раскопок. В результате произведенного анализа «Эфиопики» Гелиодора докладчик пришел к выводу о том, что, несмотря на авантюрно-волшебный сюжет и сказочные элементы, это сочинение содержит многочисленные сведения о Мероэ III в. н. э. В заключение С. Я. Берзина высказала предположение, что источником информации Гелиодора о Мероэ могло быть его личное пребывание в Египте и, возможно, в описываемой им стране.

Некоторые положения доклада вызвали ряд вопросов и интересное обсуждение. В выступлениях И. Ш. Шифмана и Н. Т. Кремлева прозвучали сомнения в отношении определенной датировки сведений источника. И. С. Кацнельсон также подчеркнул возможную хронологическую многоплановость в сочинении Гелиодора. Вызвал дискуссию вопрос о царе-жреце, содержании этого понятия, сходства и различия положения и функций царя-жреца в Египте, Куше, Мероэ, Каффе (Э. Е. Миньковская, Н. Т. Кремлев). Внимание докладчика было обращено на необходимость более детально исследовать вопрос о расовой принадлежности населения Мероэ на основе материалов раскопок некрополей и новых исследований по антропологии (Н. Т. Кремлев). В некоторых выступлениях обсуждался вопрос об одомашнивании диких животных в Мероэ. Ю. Н. Завадовский был склонен более широко ставить вопрос об одомашнивании, перечисляя целый ряд прирученных животных (слон, жираф, аист и др.) Э. Е. Миньковская уточнила вопрос о времени приручения слонов, их применении в военном деле и подчеркнула, что в Мероэ использовался уже известный и более ранний опыт Индии и птолемеевского Египта. А. Г. Лундин подверг сомнению сведения об одомашнивании диких животных и использование докладчиком в подтверждение этого изобразительного материала, привел пример, что в древней Аравии антилопа — атрибут бога планеты Венеры Астара, встречающаяся на его изображениях, не являлась домашним животным, а была объектом охоты. Несомненное одобрение вызвала разработка в докладе вопросов внутри- и внешнеполитической обстановки (И. С. Кацнельсон, Э. Е. Миньковская). С. С. Соловьева предложила С. Я. Берзинной более четко разграничить в докладе вопросы об общественном строе и политическом устройстве и использовать специальную литературу и дополнительные источники о восстании буколов в Египте в связи с тем, что ею выделены интересные сведения Гелиодора о социальном характере этого движения.

Доктор филологических наук А. И. Еланская посвятила свой доклад анализу и восстановлению текста нубийской надгробной стелы на греческом языке, найденной в 1970 г. в Амантаго, в 30 км южнее Старой Донголы, на восточном берегу Нила. В докладе были рассмотрены типы датировки копто-греческих стел и установлена дата погребения — 26 мая 939 г. н. э. А. И. Еланская отметила, что формуляр надписи обычен для нубийских христианских стел конца I — начала II тыс. и восстановила его текст, местами поврежденный и утраченный. Погребенной была женщина, однако имя ее, содержащее 4 буквы, в надписи частично стерто. Оно восстанавливается, очевидно, как Таиа. Докладчица отметила, что стела представляет интерес в эпиграфическом отношении и дает ценный дополнительный материал о датировочных правилах, соблюдавшихся в Нубии на рубеже I и II тыс.

В выступлении Осамы Эль-Нура была более подробно рассказана история находки стелы. И. С. Кацнельсон отметил интересную и ценную работу, сделанную А. И. Еланской по восстановлению текста стелы и ее датировки.

Два доклада были посвящены изучению религии Куша.

Аспирантка Отдела древнего Востока ИВ АН СССР О. И. Павлова выступила с докладом «Античные авторы о культе Амона в Куше». Ею была отмечена малочисленность сведений античных авторов по рассматриваемой теме и подробно проанализированы сообщения Геродота, Диодора, Страбона и Плиния Старшего. В результате докладчик пришел к интересным выводам о степени распространения почитания

Амона в Мероэ, о месте его культа среди культов других мероитских божеств, об интерпретации его образа в некоторых вариантах греческих мифов. Особенно подчеркивалась характерная для Амона Куша функция оракула. Недостаточность сведений античных авторов об этой стороне культа была восполнена данными египетско-кушитских источников (надписи Пианхи, Тахарки и др.) и сведениями античных авторов об Амоне Фиванском и Амоне Сивы (Ливия), оказавшими влияние на ритуал оракула в Куше. О. И. Павлова отметила, что оракул и жрецы Амона играли значительную роль в политической жизни Куша, особенно при избрании царей.

В обсуждении доклада приняли участие И. С. Кацнельсон, Ю. Н. Завадовский, С. Я. Берзина, Осама Эль-Нур, Н. Т. Кремлев и др. В их выступлениях была отмечена важность и несомненная полезность использования сведений античных авторов как источника в вопросе о культе Амона в Куше. Ю. Н. Завадовский и Осама Эль-Нур предложили более широко привлечь археологический материал, в частности, из храмов в Нагаа, Муссаварат-эс-Суфра, Калабша. С. Я. Берзина рекомендовала обратить внимание на культ бараноголового Амона у йоруба, а также привлечь данные трактата Плутарха «Об Исиде и Осирисе».

Доклад младшего научного сотрудника Отдела древнего Востока ИВ АН СССР Э. Е. Миньковской был посвящен исследованию культа бога Аренснуписа в Куше. Основное внимание в докладе было уделено спорному вопросу о происхождении культа этого божества, ибо ряд ученых (К. Зете и др.) считал его египетским, другие же — мероитским богом. На основании анализа письменных и изобразительных памятников Э. Е. Миньковская пришла к выводу о местном, кушитском происхождении культа Аренснуписа, подтверждаемом ареалом его распространения и первичностью свидетельств его почитания в Мероэ. Докладчик остановился также на вопросе о двойственности образа Аренснуписа в Куше, что подтверждается наличием двух его изображений на одном и том же рельефе. Это объясняется существованием двух вариантов почитания этого бога в Куше, один из которых был египетским и его иконография внешне сходна с иконографией Онуриса, другой был собственно местным, кушитским Аренснуписом. Подробно проанализированы в докладе варианты написания имен этого бога и его эпитеты.

При обсуждении поднимались вопросы, связанные с иконографией Аренснуписа (С. Я. Берзина, Н. А. Померанцева). Ю. Н. Завадовский в своем выступлении указал на возможность поисков материала о культе Аренснуписа в мероитских текстах. И. С. Кацнельсон рекомендовал произвести сравнение папируса Додгсон с так называемой «Стелой проклятия», что позволило бы привлечь дополнительный материал для решения вопроса о происхождении культа Аренснуписа.

Два следующих доклада были посвящены лингвистическим проблемам.

Доктор филологических наук Ю. Н. Завадовский выступил с докладом «Дешифровка западноливийских надписей». Он отметил, что западноливийские надписи, находимые на территории современного Марокко и относящиеся к периодам пунического и римского владычества, до последнего времени никак не читались. Французский ученый Л. Галан в 1966 г. опубликовал в Париже корпус из 27 этих надписей также без их прочтения. Между тем восточноливийские, или нумидийские надписи из Дугги, опубликованные в 1940 г. аббатом Ж. Шабо, читаются и вполне понятны. Пользуясь тем, что среди надписей есть билингвы, Ю. Н. Завадовский попытался установить параллели чтения между латинским текстом (имя VALENTINUS) и ливийским VLTMZ, а также пунийским (имя PLEWHNS) и ливийским PLPS, что соответствует латинскому PHILIPPUS. Выявление этих параллельных чтений дает ключ к дешифровке западноливийских письмен. Ю. Н. Завадовский устанавливает алфавит, состоящий из 28 знаков, и с его помощью дает переводы всех западноливийских надписей. Надписи преимущественно религиозного содержания. Помимо уже названных имен в них встречаются имена Ваала, Танит, Таммуза, Птолемея, Юлия, Марцелла и др. Надписи вертикальные, читаются снизу вверх и слева направо. Докладчик высказал предположение, что язык западноливийских надписей относится к семитохамитской языковой семье, однако в нем различаются диалекты, близкие к берберским и к семитским (финикийскому, пунийскому) языкам.

Доклад, посвященный дешифровке западноливийских надписей, вызвал много вопросов и очень интересное обсуждение, в котором приняли участие Д. А. Ольдерогге, А. Г. Лундин, И. Ш. Шифман, А. И. Еланская. В ходе дискуссии поднимались вопросы о более широком и целенаправленном сравнении западноливийских надписей с восточноливийскими, нумидийскими, о соотношении ливийского языка с финикийским, о наличии слишком многих вариантов для некоторых знаков и др. В выступлениях была отмечена ценность и важность работы, проделанной докладчиком, по дешифровке западноливийских надписей, являющейся вкладом в решение сложной научной проблемы.

Доктор исторических наук И. С. Кацнельсон выступил с докладом «Современное состояние изучения языка мероитских надписей». Основная часть доклада была посвящена критическому обзору теории о природе языка мероитских надписей, начиная с исследований второй половины XIX в. И. С. Кацнельсон подробно остановился на научных теориях Р. Лепсуса, впервые выдвинувшего предположение о родстве мероитского и нубийского языков, а затем отказавшегося от него и предложившего рассматривать мероитский язык как близкий языку *беджа*. Далее докладчик анализировал взгляды и гипотезы Ф. Гриффиса, К. Майнхофа, Э. Цильарца, Ф. Хинце, В. Вичихла, Б. Триггера и других ученых на природу мероитского языка и контраргументы их противников. В заключение И. С. Кацнельсон отметил, что вопрос о языковой принадлежности мероитского языка и его родственных связях до сих пор еще не решен. Сложность его решения связана с отсутствием билингв. Докладчик высказался в пользу предположения, что следы мероитского языка, возможно, следует искать в Горном Кордофоне, где языковая ситуация до сих пор не исследована и где в фольклоре и в настоящее время сохраняются воспоминания о Напатском царстве.

При обсуждении доклада И. С. Кацнельсона Ю. Н. Завадовский отметил совпадение артикля в нубийском и мероитском языке, что нельзя не принимать во внимание при определении родственных языковых связей. Осам Эль-Нур подчеркнул, что в языках современных народов Судана сохранились некоторые древние термины, связанные с кочевым бытом, охотой, наименования животных, географические названия, которые нужно тщательно исследовать при решении проблемы мероитского языка. Д. А. Ольдерогге остановился на классификации африканских языков, подчеркнул, что если языки Западного Судана изучены основательно, то сильное смещение языков в Восточном Судане препятствует такому изучению, подверг критике ряд гипотез о происхождении мероитского языка и высказал предположение, что истоки последнего следует искать в Восточном Судане, возможно, в нубийских диалектах.

Два доклада участников конференции были посвящены этнографическим проблемам.

Осама Эль-Нур, аспирант Отдела древнего Востока ИВ АН СССР, выступил с докладом «Проблема „группы — С“ в истории культуры древнего Судана». На основании обширных данных последних археологических раскопок он подтверждает положение о родстве культур группы — С и предшествовавшей ей группы — А. Докладчик высказал предположение, что носители культуры группы — А были вынуждены покинуть территорию Северной Нубии вследствие грабительских походов египетских фараонов, что переход от уровня группы — А к уровню группы — С в связи с этим осуществлялся за ее пределами и что связующее звено между обеими группами следует искать в районах южнее второго порога. Он подкрепил это предположение наличием признаков сходства между группой — С и культурой Кермы: погребальные обряды, этническое родство, типы ремесленных изделий, орнаментальные мотивы в керамике обеих культур и др. Осам Эль-Нур подверг критике теорию «иммиграции» в Нижнюю Нубию новых кочевых племен группы — С, теорию полной египтизации носителей группы — С и др. Он поддержал выводы В. Адамса о том, что с середины периода правления египетской 18-й династии в Нижней Нубии происходил процесс сокращения количества населения в результате интенсивной эксплуатации страны иноземными завоевателями и в связи с понижением уровня Нила.

В ходе обсуждения доклада выступил академик Б. Б. Пиотровский, который

отметил интерес и ценность исследования, проделанного Осамой Эль-Нуром в отношении культуры группы — С. Б. Б. Пиотровский обратил внимание докладчика на необходимость большей разработки вопроса об общности корней неолитической культуры — А и культуры додинастического и раннединастического Египта. Ю. Н. Заводовский проявил интерес к культуре В, промежуточной между А и С, вопрос о которой в настоящее время является спорным, ибо ряд ученых (В. Эмери, Б. Триггер и др.) считает ее обособленной, стадияльно предшествующей культуре С, другие же, ссылаясь на немногочисленность археологических материалов, свидетельствующих о ее существовании (отсутствие поселений, малое число погребений и др.), склонны не выделять культуру В в отдельное, самостоятельное явление.

В докладе научного сотрудника Института социологических исследований АН СССР Н. Т. Кремлева «Население Мероэ во время похода Эзаны» рассматривался вопрос о смене населения Мероэ в первой половине I тыс. н. э.

Докладчик отметил, что на территории Мероитского царства происходили значительные этнические изменения: так, античные авторы в конце III в. до н. э. впервые упоминают на территории северной части Мероэ народ под названием «нубаи»; византийские писатели говорят о приходе в Северную Нубию «нобатов», падение же Мероитского царства обычно связывают с походом аксумского царя Эзаны. На основе анализа надписи Эзаны автор пришел к выводу, что «черные ноба», населявшие «остров Мероэ», очевидно, негроидные нубийцы; «красные ноба», жившие севернее, — представители переходной расы от европеоидной к негроидной и соответствуют, очевидно, группе Х и нобатам. В докладе высказано предположение, что нобаты пришли на север из района Напаты, что «ноба» или «нобаты» соответствуют мероитам, являясь поздним названием этого народа, различавшегося антропологически на севере и юге государства.

В ходе обсуждения высказали мнение по поднятым в докладе вопросам Д. А. Ольдерогге, А. Г. Лундин, И. Ш. Шифман, И. С. Кацнельсон, С. Я. Берзина и др. Особое внимание в выступлениях было обращено на необходимость более тщательного учета всех возможных вариантов восстановления текста и перевода г реческой надписи приписываемой Эзане. Оживленное обсуждение вызвал вопрос о значении терминов «красные ноба» и «черные ноба» для понимания этнических процессов в Мероэ.

Ряд докладов был посвящен тематике «Куш и окружающий мир». Был заслушан доклад кандидата исторических наук С. С. Соловьевой «Война 663 г. до н. э. между Ассирией и Кушем за влияние в Египте». Докладчик подчеркнул важность изучения этого вопроса в историческом плане, ибо война 663 г. до н. э. была последним этапом борьбы между Ассирией и Кушем за обладание Египтом. Был отмечен источниковедческий интерес изучения этой темы в связи с тем, что сопоставление и анализ происходящих из различных стран и датируемых различным временем источников позволяет создать исторически достоверную реконструкцию событий крупного военного столкновения 663 г. до н. э., сыгравшего значительную роль в изменении международных отношений того времени на Ближнем Востоке. Интерес к теме вызывается также еще недостаточной ее разработкой в историографии. Основное внимание докладчика было сосредоточено на анализе политической ситуации в Дельте, где в ливийско-саисский период истории Египта, и особенно во времена ассирийского господства (671—665 гг.), существовала сильнейшая политическая раздробленность. Внешнеполитическая ориентация правителей городов и номов Нижнего Египта, их внутренние взаимоотношения постоянно менялись, что и заставило царей Куша Тахарку, Танутамона и их соперника в борьбе за Египет ассирийского царя Ашшурбанипала уделять максимальное внимание накануне и во время войны 663 г. до н. э. политической и дипломатической борьбе за привлечение на свою сторону правителей Дельты. В заключительной части доклада автором были подведены итоги военной кампании 663 г., завершившейся тем, что Куш потерпел поражение от Ассирии и вынужден был отказаться от претензий на господство над Египтом, что Ассирия, одержавшая победу в войне, убедилась, однако, в трудности и политической невозможности удержать Египет под своей властью и ослабила контроль над страной, а Египет

вследствие благоприятно сложившихся для него внешних и внутренних обстоятельств получил возможность освободиться от иноземного господства и далее развиваться самостоятельно.

В своем выступлении по данному докладу В. А. Якобсон отметил достаточно полный подбор источников и фактов для раскрытия исторически интересной и малоизученной темы. Он высказал предложение, чтобы важный вопрос о политике Ассирии в отношении покоренного ею Египта, о взаимоотношениях с египетскими правителями был докладчиком разработан полнее и подробнее.

Доктор исторических наук А. Г. Лундин выступил с докладом на тему: «Принципы престолонаследия в Катабане». Исходя из данных Страбона и материалов древних южноаравских надписей, он сделал вывод, что власть царя в Катабане в I тыс. до н. э. передавалась не от отца к сыну, а в пределах царского рода (племени), к первому ребенку, родившемуся после вступления царя на престол. Это объясняется положением правителей как «первенцев» богов Анбайя и Хавкам и племени (народа) Катабан. Докладчик подчеркнул, что первенец выделялся в каждом поколении (возрастном классе), а моментом смены поколений было вступление правителя в должность. А. Г. Лундин отметил, что подобная система существовала в Восточной Африке, причем сохранялась в искаженном виде вплоть до конца XIX в. По его мнению, географические и исторические условия позволяют предположить в данном случае прямое влияние Катабаны. Тогда станет возможной гипотеза о возникновении раннегосударственных суахильских образований в Восточной Африке в I тыс. до н. э.

Исследование А. Г. Лундина о принципах престолонаследия в Катабане было высоко оценено в выступлении Д. А. Ольдерогге, отметившего важность темы, несомненный интерес и ценность исследования.

Аспирантка Отдела древнего Востока ИВ АН СССР С. Л. Кравченко сделала доклад о новой надписи царя аксумитов Эзаны, описав историю ее находки, дав перевод, проанализировав надпись в историческом и филологическом отношении. Докладчица отметила, что надпись подтверждает сведения о принятии Эзаной христианства.

В ходе обсуждения доклада С. Л. Кравченко было рекомендовано обратить внимание на проблему датировки и тот материал, который дает для изучения этого вопроса исследуемая надпись Эзаны.

20 июня IV конференция по мероистике завершила свою насыщенную трехдневную работу. По общему мнению, работа конференции проходила успешно и интересно, была весьма плодотворной и внесла свою лепту в изучение проблем мероистики в нашей стране.

Э. Е. Миньковская,
С. С. Соловьева